

Два истолкования «Логико-философского трактата» Л.Витгенштейна

Розин В.М.

Аннотация: В статье анализируются и сравниваются два истолкования «Логико-философского трактата» Л.Витгенштейна. Первый принадлежит Владимиру Бибахину, второй – автору статьи. Бибахин старается понять трактат, считая, что Витгенштейн не мог ошибаться и поэтому нужно сохранить все особенности его мысли. Автор статьи осуществляет две работы. Во-первых, он анализирует подход и размышления Бибахина и через них пытается понять, что сделал Витгенштейн. Во-вторых, осуществляет методологическую реконструкцию творчества Витгенштейна и строения «Логико-философского трактата». Он показывает, что трактат Витгенштейна – это, прежде всего, совокупность согласованных схем, дополненных методологическими соображениями.

Ключевые слова: логика, мышление, понимание, истолкование, интерпретация, реконструкция, схемы, онтология.

Сначала я прочел книгу Владимира Бибахина «Витгенштейн: смена аспекта» и лишь затем впервые сам «Логико-философский трактат» Людвиг Витгенштейна (аббревиатура ЛФТ). И вероятно, правильно сделал, даже с помощью Бибахина понять знаменитое произведение Витгенштейна было очень трудно. Впрочем, сам автор трактата предупреждал об этом. В 1919 году он пишет из итальянского плена Бертрану Расселу:

«Я написал книгу под названием “Логико-философский трактат”, содержащую всю мою работу последних шести лет. По-моему я, наконец, решил наши проблемы. Это возможно звучит заносчиво, но мне невольно кажется, что всё именно так. Я закончил книгу в августе 1918 и через два месяца стал *prigioniere*. Рукопись здесь со мной. Мне хотелось бы сделать копию для Тебя; но она довольно длинная и нет надежного способа послать ее Тебе. Да Ты и не поймешь ее без предварительного объяснения, поскольку она написана в виде очень коротких замечаний. (Это конечно значит, что *никто* не поймет ее [...])¹. Или из другого письма Расселу: «С Фреге я состою в переписке. Он не понимает ни слова из моей работы, и я уже совершенно измучен голыми объяснениями»².

Бибахин объясняет трудности понимания трактата, с одной стороны, тем, каким способом Витгенштейн мыслит и открывает новое (а именно, ловя откровения свыше), с другой – нашей косностью и характером понимания. Вот что он пишет. «Почему Витгенштейн не мог ничего объяснить, ясно из главного принципа всей его работы. Он был избалован проходившими через него откровениями настолько, что умолкал, когда не слышал их; объяснять их потом своими словами он уже не мог и не хотел. «Изложение *крайне* сжатое, потому что я фиксировал там только то, что мне – и как оно мне – действительно услышалось». В меру посещающих его прозрений, и только, он даст, пожалуй, и объяснения, которые сами тогда будут нуждаться в объяснениях»³.

1 Цит. по Бибахин В.В. Витгенштейн: смена аспекта. М., 2005. С. 160.

2 Там же. С. 160.

3 Бибахин В.В. Витгенштейн: смена аспекта. С. 161.

Что если помедлить на черте перед организационно-деятельной игрой. Изменим зрение, посмотрим другими глазами. Фраза не сообщает ничего такого, что толкало бы нас к какой бы то ни было деятельности: она тавтология. Можно пойти сложным путем, чтобы увидеть в ней тавтологию: вспомнить, что до записывания и прочтения знаков мы уже условились об их семантике и записью фразы только развернули, повторили то, что сами уже вложили в семантику следования. Семантическая истинность и тавтология равнозначные понятия.

Можно, однако, увидеть во фразе тавтологию гораздо более простым образом. Если отвлечься от нашего знания формальной логики и ее знаков, фраза останется без обеспечения. За ней тогда ничего не стоит и она ничего не говорит кроме самой себя, т. е. в ней нет ничего, кроме того, что она выставлена вот в этих знаках. Мы отвлеклись от всякого знания о ней. Равная только своим знакам, она в этом простейшем смысле тавтология.

На примере такой простейшей тавтологии, не подлежащей толкованию, яснее будет видна проблема. В самом деле, фраза равна себе вовсе не потому, что остается той же самой. Ее физическая (выветривание мела на доске) и психологическая (забывание) текучесть не позволяет показать ее тождество себе иначе как через исчезание этого тождества при всякой попытке на него показать. Лейбниц просил придворных дам убедиться, что нет двух похожих листьев одного дерева; они честно проверяли и с удивлением видели, что так оно и есть. Они видели нетождество листьев на фоне тождества, которое искали и не находили. Тем, что тождества нет среди наблюдаемых вещей, оно выведено из числа событий, которым грозит прекратиться. На тождество указано тем, что на него невозможно указать; оно этим отмечено – меткой, которую нельзя стереть, потому что она невидимая. Удержав себя от вступления в мыслеречедеятельностные игры, мы получили на руки тождество, точнее, проблему или загадку тождества. Похоже, тождество иначе как проблемой и загадкой не бывает»⁶.

Теперь аргументы в пользу отказа от рефлексии, правил и методологических построений.

«Мы видим, – пишет Бибихин, – рисунок фразы, но только применяющий его знает, на какой предмет он это делает. В принципе невозможно вместе с применением дать и его метод. Рисунок и метод его подачи неизбежно окажутся разными. Применение, невидимый знак в знаке, на всех уровнях и в любой системе логических координат исходно привязано к тождеству»⁷. «Отношение, устанавливаемое каждый раз заново и каждый раз по-своему применением знака, невидимо. Оно остается логическим, т. е. имеет уже известную нам опору, а именно в тождестве, которое ушло теперь из внешнего знака во внутренний. Тождество переносится на невидимое в знаке, на «внутреннее отношение». Это последнее оказывается однако в более фундаментальном отношении тождеством, потому что внутреннему, ничем не фиксированному, уже не на что больше опереться. Тождество встроено во внутреннее отношение как его база.

В. надеялся добраться до тождества в означаемом через логическое в знаке и заметил, вглядываясь, что знак всегда подан по-разному способом его применения. Оказалось, что логически тем же, что означаемое, должны быть оба вместе, знак и способ его применения. Задача затрудняется не умножением моментов, за которыми надо следить (следили за одним знаком, теперь их оказалось два, внешний и внутренний), а интересным образом: требуя новых упражнений в невидимом и отчета о том, что принципиально не показывает себя. Ситуация красивая: чем глубже исследование, тем больше оно имеет дело с целым»⁸.

«Тождество ускользнуло во внутреннее отношение, а это последнее, т. е. способ применения знака, – во всеобщую фразовую форму, которую разглядеть невозможно. В витгенштейновской логике все наметившиеся было схемы исчезают, растворяясь в простоте»⁹. «Логическая форма переместилась во “внутреннее отношение”. Оно, не забудем, не поддается описанию, потому

⁶ Бибихин В.В. Витгенштейн: смена аспекта. С. 41-42.

⁷ Там же. С. 64.

⁸ Там же. С. 62.

⁹ Там же. С. 67.

что знаки, используемые для описания, потребуют опять же способа их применения. Внутренним отношением, или логической формой, определяется предмет (Gegenstand), который можно понимать как цель речи»¹⁰.

Интересно, а что такое «внутреннее отношение»? Если это способ, как поясняет Биbihин, «применения знака», то почему такое применение нельзя проанализировать, в этом бы случае эту форму можно было бы и разглядеть? Свои мысли Биbihин подкрепляет и критикой методологической установки на модернизацию мышления. Действительно, например, Кант в «Критике чистого разума» ставит задачу реформирования метафизики, а Щедровицкий хочет реформировать не только философию, но и науки и все остальные мыслительные практики¹¹. Напротив, с точки зрения Биbihина, Витгенштейн не ставит своей целью что-то менять, а только приводить в порядок уже существующее.

«Вокруг понимания Трактата, – пишет Биbihин, – замеченного публикой после выхода в Англии на двух языках с предисловием Рассела, сразу начались расхождения, после чего у Витгенштейна навсегда прекратилось желание печататься. Рассел в своем предисловии представил его продолжателем дела всеобщей чистки философии, религии, этики, начиная с их языка, ради новой свободы; сначала перестановка всего на математизированные основания, потом строительство на незараженном метафизикой месте. Витгенштейн такой чистки не планировал. Пусть всё останется как есть. Нет двух задач, работа одна: развязывание узлов, разбор завалов. Рядом с обычным языком не нужен никакой другой, тем более искусственный. От естественных наук В. ушел в философию. Логика не инструмент для работы с понятиями, не рельсы для движения мысли; между ней и действительностью не надо наводить мостов. Витгенштейновская логика оставляет естественный язык в полной силе, никакой нормой в него не внедряется, не связывает его ничем кроме предельного внимания. Эта логика не нормирует язык и не предлагает ему схем»¹².

Здесь, конечно, возникает принципиальный вопрос, а можно ли «развязывать узлы и разбирать завалы», не реформируя мышление? Думаю, нельзя. Мои исследования показывают, что приведение в порядок мышления, разбор мыслительных завалов, как правило, предполагает построение новых схем, понятий и категорий и логику в форме нормирования, что не стоит понимать исключительно как следование правилам (нормы мышления помимо правил, число

¹⁰ Там же. С. 63.

¹¹ Сравни. «Задача этой критики чистого разума, – пишет Кант, – состоит в попытке изменить прежний способ исследования в метафизике, а именно совершить в ней полную революцию, следуя примеру геометров и естествоиспытателей<...> если метафизика вступит благодаря этой критике на верный путь науки, то она сможет овладеть всеми отраслями относящихся к ней знаний» (Кант И. Критика чистого разума. Соч. в 6-ти т. Т. 3. М., 1964. С. 91-92).

«Развитая таким образом методология, – утверждает Щедровицкий, – будет включать в себя образцы всех форм, способов и стилей мышления – методические, конструктивно-технические, научные, организационно-управленческие, исторические и т. д.; она будет свободно использовать знания всех типов и видов, но базироваться в первую очередь на *специальном комплексе методологических дисциплин – теории мыследеятельности, теории мышления, теории деятельности, семиотике, теории знания, теории коммуникаций и взаимопонимания*» (Щедровицкий Г.П. Методологический смысл оппозиции натуралистического и системодетельностного подходов // Г.П. Щедровицкий Избранные труды. М., 1995. С. 152-153).

¹² Биbihин В.В. Цит. соч. С. 122.

которых может быть относительно невелико, включают в себя методологические указания, специальные рассуждения, образцы правильной мысли).

Однако Бибахин вслед за Витгенштейном понимает логику совершенно иначе, чем я. И, возможно, не совсем так, как автор логико-философского трактата. По поводу логики Бибахин специально цитирует Витгенштейна и интересно комментирует его. С точки зрения Бибахина, Витгенштейн понимает логику, с одной стороны, как *тавтологию*, не нуждающуюся во внешнем обосновании; в этом отношении логика напоминает музыку. Тем не менее, хотя тавтология не нуждается в обосновании, она еще *должна быть выявлена средствами записи логического языка*. Очевидно, Бибахин думает, что музыка понимается совершенно без всяких пояснений и объяснений; что она ничего не обозначает, кроме себя самой; не требует интерпретаций в отношении выражаемого. Вряд ли с этим согласятся музыковеды, да и музыканты. В то же время, чтобы записать и сочинять музыку, нужен язык музыкальной нотации, вероятно, ему и уподобляется логический язык формул и преобразований.

Но логика по Витгенштейну в объяснении Бибахина – это еще и *речь, точнее фразы, самой своей структурой показывающие на себя (тавтология) и тем самым на мир; при этом последний конституируется и испытывается фразами на «да» (истина) или «нет» (ложь)*. Отношение между фразами и миром (его событиями) понимается Витгенштейном двояко. Во-первых, логические конструкции, совпадающие с фразами, выступают как направляющие (задающие) события мира (факты). Во-вторых, как семиотические образования, где означаемое и означающее принципиально совпадают (тем самым объясняется и тавтологичность логики и конструктивность в отношении событий мира). Наконец, с третьей стороны, логика по Витгенштейну – это и *этика жизни*. Понять последнее еще труднее, чем две первые характеристики. Но послушаем Витгенштента и Бибахина.

«Логика, должна обеспечивать (предусматривать, обуславливать) сама себя [...] Логика должна уметь позаботиться о самой себе [...] Мы, по-видимому, в известном смысле не можем ошибиться в логике. Это отчасти уже выражено в словах: логика безусловно обеспечивает сама себя. Это необычайно глубокое и важное познание. Еще раз: потому что логика должна обеспечивать сама себя. Возможный знак с необходимостью сразу же и обозначает. Всё, что вообще возможно, тут же и легитимно (позволено)¹³.

Мелодия есть род тавтологии, она заключена в самой себе; она удовлетворяет (befriedigt) сама себя (4.3.1915)¹⁴.

«Готовя формулу Трактата, – пишет Бибахин, – «Записи о логике» 1913 года определяют пропозицию как мерную линейку, в отношении к которой стоят факты. Факт подобен стрелке, указывающей туда же, куда указывает стрелка пропозиции, или в противоположном смысле (направлении, Sinn). Полезно помнить, что в начале 20 века машины имели стрелку над крышей, которую водитель поворачивал изнутри, обозначая намеченный маневр. Выставляя символ xRy , я прочесываю факты, состоящие из всевозможных отношений между вещами, сначала на наличие отдельных вещей, которые отвечают именам x , y . Потом, если такие вещи нашлись, я прочесываю их на наличие между ними отношения R . При несовпадении с фактом символ ложь, при совпадении истина¹⁵<...> Факт имеет смысл стрелки, указывающей в одну или противоположную сторону. Например, в кубе Некера факт – это выдвинутость вперед плоскости $aaaa$; другой факт – выдвинутость вперед плоскости $bbbb$. <...> Плоскость выдвигается вперед без изменения куба. «Любой факт может иметь место или не иметь места, а всё остальное останется тем же самым» (Трактат 1.21). Предложение прежде всего ориентирующая стрелка и потому тоже факт. В. не строит систему, а приглашает понять, что суждения определяют наш мир. <...>

«Фраза есть мера мира. Она проба действительности, иногда (как старинное слово) очень глубокий зонд, иногда мелкий. На стадии рисунка она пока еще не истина и не ложь. Допустим, она рисунок процесса, и вот рисунок не годится, не согласуется с процессом; так бывает, даже

¹³ Бибахин В.В. Витгенштейн: смена аспекта. С. 48.

¹⁴ Там же. С. 81.

¹⁵ Там же. С. 24.

часто бывает так. Но если не согласуется, как его можно считать, пусть неверным, рисунком того процесса? ведь он, строго говоря, не его рисунок? Ответ: как годный рисунок делало рисунком действительности наше да ему, так негодный — наше нет. Отрицая его, мы делаем его рисунком именно той действительности, несогласование его с которой констатируем!»¹⁶

Но фразы логики – и только они, – пишет Витгенштейн в письме к Расселу в конце 1913 г., – имеют то свойство, что их истинность, соответственно ложность, выражается уже в их знаке. Мне еще не удалось найти для тождества обозначение (*Bezeichnung*), удовлетворяющее этому условию; однако я не сомневаюсь, что такой способ обозначения должен отыскаться¹⁷.

Логическое тождество знака и означенного состоит в том, что в знаке мы имеем право опознать не больше и не меньше чем в означенном <...>

Без тождества знака и означенного вся речь зависла бы в условности. Многие подозревают, что она и зависла. Мы знаем однако, по крайней мере интуитивно, что речь не всегда движется по кругу. Если бы знаки и означенное не были тождественны по своему полному логическому содержанию, то должно было бы существовать что-то более фундаментальное чем логика¹⁸.

«Ты наверно считаешь что думать о самом себе растрата времени; но как я могу быть логиком, если я еще не человек! Прежде всего, я должен проясниться с самим собой!<...>

В коротком декабрьском письме Расселу сразу после слов о музыке редкое признание. «Ты слышал Героическую [3 симфония Бетховена или 4-я последняя Брамса]! Что ты подумал (*gesagt*) о второй фразе? она невероятна, не правда ли? — Разве не совершенно удивительно, какая великая и бесконечно своеобразная наука логика; я думаю, ни Ты ни я не понимали это полтора года назад.» Как здесь логика рядом с музыкой, так в другом месте она рядом с поэзией: «Философию надо было бы собственно только писать стихами» (*Philosophie durfte man eigentlich nur dichten*). И предположительно январь 1914 из Норвегии: логика не отдельна от жизни и не отдельна от моего человечества. В контексте этой последней цитаты она рядом с поэзией (Мёрике и Гёте)¹⁹. <...> «Мы имели бы право говорить о принадлежности Витгенштейна к школе Фреге и Рассела, если бы он проверял истинность или ложность высказывания наблюдением действительности. Но по В. высказывание сначала истинно или, что то же самое, ложно, и только тогда его можно отнести к конкретному факту. Только войдя в логическое пространство, фраза начинает зондировать действительность. Шансов быть понятым метрами формальной логики у В. было очень мало, вернее сказать, вовсе никаких. Напечатание Трактата объяснялось либерализмом Рассела и тем же недоразумением, какое продолжается до наших дней в общей массе витгенштейновских штудий. Почувствовать упрямство В. дает его ранняя переписка, где он вопреки Расселу отказывается отделять логику от этики. В. уравнивал абсурд войны тем, что сам добровольно бросил себя в настоящий риск; он лежал в госпитале и воевал на передовой, почти год провел в итальянском плену. Все это время пишется Трактат как одно сплошное усилие не сказать, а показать его главный, этический смысл. Самые важные мысли в нем те, которые намеренно не введены в текст; или в другой формулировке: этика, главное содержание Трактата, огорожена изнутри; развертываются только подходы к ней»²⁰.

Первое что напрашивается – объяснить этический план витгенштейновской логики ссылкой на Паскаля.

«Таким образом, – пишет Паскаль, – все наше достоинство заключается в мысли. Вот чем должны мы возвышаться, а не пространством и продолжительностью, которых нам не наполнить. Будем же стараться хорошо мыслить (что можно понять и как следование логике. – *В.Р.*): вот начало нравственности». «Очевидно, человек создан для мышления; в этом все его

16 Там же. С. 79.

17 Там же. С. 37.

18 Там же. С. 54.

19 Там же. С. 38.

20 Там же. С. 157-158.

достоинство, вся его заслуга, и весь долг его мыслить, как следует, а порядок мысли – начинать с себя, со своего Создателя и своего назначения»²¹.

Не исключено и влияние Паскаля, но вряд ли этим влиянием можно объяснить все то, что говорит Витгенштейн по поводу своей работы как особой этики.

Работа Бибикина интересна еще и в том отношении, что она позволяет вернуться к обсуждению очень актуального для современной методологии вопроса о природе модернизации текста другого автора. Ситуация здесь такая. Есть некоторый автор, предположим Витгенштейн, и другой, скажем Бибикин, истолковывающий высказывания первого автора. При этом второй автор приписывает первому определенные намерения и взгляды, которые непосредственно в его тексте не просматриваются. Или другой вариант – предлагает необычный перевод и прочтение текста. Спрашивается, когда истолкование и перевод законны, в том смысле, что не искажают первого автора, не заменяют его конструкцией второго, а когда они уже незаконны? Например, Бибикин явно приписывает Витгенштейну феноменологические и кантианские мотивы и формы мысли, кроме того, заменяет немецкое «satz», обычно переводимое как «предложение», на «фразу», а «bild», переводимое как «образ», на «рисунок», в значении почти «схемы»²².

Действительно, с точки зрения феноменологии, если исследователь сможет правильно установиться (очистить свое сознание от предпосылок), то предмет сам выйдет ему на-встречу. При этом М.Хайдеггер добавляет такое положение – предмет на самом деле сокрыт («потаён»), познание же, начиная с Аристотеля, есть его обнаружение («раскрытие потаённого»). Чуть ли не главную роль в его раскрытии играет язык и речь²³.

С точки зрения Бибикина, следующего здесь за Хайдеггером, Витгенштейн воспроизводит подход Аристотеля, причем именно в варианте феноменологии. А вот что по поводу кантианского влияния пишет В.А. Суровцев: «Вполне определённо на этот вопрос отвечает Швайдер: “Философия Витгенштейна была кантианской от начала и до конца”. Более умеренную оценку даёт известный исследователь аналитической философской традиции Д.Пэрс, который хотя и говорит, что для Витгенштейна “философия была критикой языка по объёму и цели очень похожей на кантовскую критику мышления”, тем не менее отчетливо осознаёт ряд метафизических мотивов в его раннем творчестве, связывая их, прежде всего, с некритическим усвоением того тезиса, что язык в некотором смысле является образом предзаданной реальности, заимствованным из докантианского источника»²⁴.

И каким образом, если не в духе Канта (или навеянные этим духом), можно понять следующие размышления Бибикина?

21 <http://vzms.org/pascal.htm>.

22 Розин В.М. Введение в схемологию. Схемы в философии, культуре, науке, проектировании. М., 2011.

23 Бибикин В.В. Цит. соч. С. 71, 72.

24 Суровцев В.А. Принцип автономии логики в философии раннего Витгенштейна. Автореферат докторской дисс. Томск, 2001). Сравни. «Такие утверждения, – пишет М.С. Козлова, – традиционно именуют *мета-физическими*. Кажется, что они повествуют о самых глубоких и общих чертах мироздания – еще более универсальных, чем знания о физическом мире. На деле же ни о чем, что находилось бы «над» или «под» физическим (материальным) миром в них не сообщается. Природу таких утверждений глубоко исследовал [Кант](#), подчеркнувший, что в области [метафизики](#) разум выходит за границы возможного опыта и уже не может ни подтвердить, ни опровергнуть своих тезисов. Осваивая и развивая размышления [Канта](#), [Витгенштейн](#) характеризует положения «чистого разума» как *априорные, аналитические, концептуальные* или *логические* фразы» (Козлова М.С. Был ли Л.Витгенштейн логическим позитивистом? http://iph.ras.ru/elib/HP5_1.html С. 20)

«Непознаваемость вещей, – пишет Бибихин, – была давно убеждением Витгенштейна. Об этом на 16-й день своего знакомства с ним упоминает Рассел в письме-отчете леди Оттолине Морель 2.11.1911:

Мой немецкий инженер, мне кажется, – просто дурак. Он думает, что ни-что эмпирическое не может быть познано. – Я попросил его согласиться (ассерт), что в этой комнате нет носорога, но он не согласился.

Вещи тонут с приближением к ним в непознаваемости. Если нельзя доказать даже, что в этой комнате нет носорога, то нет возможности поделить вещи на существующие и несуществующие, не говоря уже о более детальных классах. Наука воображаемо схватывает действительность издали в схемах, вблизи любой предмет полностью захватывает себе внимательного наблюдателя<...> Высказывание есть рисунок, или набросок, в котором мы, пробуя мир, составляем вещи, стремясь вовсе не обязательно к тому, чтобы они составились как в действительности. Что мы пробуем? Чтобы *получилось*; чтобы было *лучше*. Сами ли мы при этом удваиваем действительность? Нет. Не мы создали помимо действительности другой второй символический мир, а с самого начала всегда уже имели дело с *двумя*.

Описание мира через фразы возможно только потому, что означаемое не есть свой собственный знак! (ЛФТ. – В.Р.)

Действительность исходно отмечена лишением. Сама по себе она ничего не значит. Чтобы сделать ее значащей, нужны существа, составляющие ее рисунки. Как существа, имеющие такое свойство, мы принадлежим действительности. Тождество логического рисунка и действительности разворачивается на фоне ее исходного раздвоения. Речь не добавление, пристроенное к вещам задним числом. Действительность сама исключила свой знак. За нее отвечаем мы. Без тождества знака и означаемого эта задача невыполнима. Полным будет никогда не содержательное, а только логическое тождество. Рисунок никогда не станет тем же, что действительность. Он, однако, может оказаться *тем самым*²⁵.

Теперь по поводу перевода. Приведу лишь один фрагмент, касающийся «Satz».

«Переводчики, – пишет Бибихин, – пользуются попеременно словами предложение, высказывание, пропозиция, пытаясь угнаться за простым немецким Satz. Его сила в том, что это короткое корневое слово, и наше предложение *как* выкладывание-перед-всеми-на-виду его не вычерпывает. Satz означает еще и полагание, когда я постановил чему-то быть, как положено. Что так положено, стало нормой; словарь дает пример zwei Tassen Tee, das ist so mein Satz, «две чашки чаю это моя норма». В том же Satz В. слышит – что ему важно, когда он говорит о конфигурации знаков, предметов, об образе и структуре, – также значение комплекта, набора, ассортимента, агрегата. Безусловно, годится ему значение Satz как партии, тура, сета в игре; англ. set здесь то же слово что немецкое Satz, но оно не применяется в значении предложения (пропозиции), и поэтому английскому остается недостижимо далеко, как и русскому, до простейшего немецкого жеста. В какой мере немецкое слово является жестом, мы уже замечали. Жест Satz подчеркнуто краткий и решительный; устанавливая тезис, полагая норму, он диктует правила игры и — еще одно его значение — ставку в игре. Полностью идет в дело у В. и Satz в смысле скачка и прыжка. In einem Satz не обязательно значит «в одном предложении», это может быть и «сразу». Оформление в Satz и переход от одного Satz к другому — как скачки, и здесь можно и нужно вспомнить о полете игральной кости и о внезапности смены аспектов. В русском слове предложение эта решительность, прерывность, внезапность не слышна. Последнее, но не по важности для В. музыканта, которому иногда снятся мелодии и он их, проснувшись, записывает: говоря Satz, он слышит «музыкальная фраза», «пассаж». Если бы в нашем языке был подобный инструмент, мы без комментариев ввели бы его в действие. Он имел бы черты *выкладывай, сказал как отрезал, так я решил, слово не воробей, вылетит не поймает, слово и дело, сказал – сделал, мое слово твердо, мое слово закон*. Всё, что есть в немецком Satz, у нас тоже есть, только

25 Бибихин В.В. Цит. соч. С. 30, 58.

рассеяно, а не собрано в кулак. Мы оказываемся тут беспомощны и вынуждены плестись путем комментария и нанизывания пунктов, которых оказывается тем больше, чем короче немецкий жест: 1) слово, 2) предложение, 3) тезис, 4) норма, закон, правило, 5) набор, партия, сет, тур, игра, 6) помет, приплод у зайцев, кроликов, 7) отстой, осадок, 8) ставка в игре, 9) скачок, прыжок, 10) музыкальная фраза. Легко только тому, кто создал себе семантическое поле, о котором кроме него мало кто знает, как оно огорожено, и про себя располагает в нем термины. В голове В., как у нас всех, гуляет ветер, и если что-то подобное ограде обнаружится, он сразу ее разрушит. Каждый раз заново, говорит он, надо пробиваться к живому словно через застывающий шлак, как при варке стали (профессия его отца, знакомое дело).

Можно было бы в рабочем порядке, как делают некоторые англоязычные авторы, оставить немецкое Satz без перевода, тем более что в русском уже есть тоже слово с приставкой (абзац, Absatz, уступ, ступень, каблук как отступающий от подошвы, расхватывание, осадок, отстой, отложение). Всего ближе к немецкому Satz, однако, наша *фраза*, особенно если вспомнить об исходном смысле этого слова»²⁶.

Так вот, повторю еще раз вопрос. Законны ли подобные истолкования и переводы Витгенштейна? Можно ли сказать, что, по сути, он был кантианцем или феноменологом? Правильны ли сделаны переводы Бибикина (не в смысле его компетенции как знатока немецкого языка, а в плане выбора значений и их истолкования, что уже больше относится к содержательной стороне логики и мышления)? Действительно, с одной стороны, Бибикин показывает, что Satz имеет десять разных значений, не сводимых друг к другу, с другой – он почему-то заменяет их одним значением — «фраза», тем самым, обрезая все остальные значения.

В связи с этими вопросами возникает и еще один, как, собственно говоря, развести Бибикина и Витгенштейна? Вряд ли они решают общие задачи и видят все одинаково. Несколько лет тому назад я столкнулся с похожей, но более сложной задачей, анализируя феномен множественной личности, описанный в книге Дэниела Киза «Множественные умы Билли Миллигана». Помимо анализа феномена множественной личности, я хотел показать, как непросто в наше время понять, что же было *на самом деле*. С одной стороны, мы должны доверять свидетелям, рассказывающим о своих или чужих состояниях и поступках (например, как Билли рассказывал о своих «людях», а Дэниэл Киз об истории Билли), с другой – не принимать на веру все, что они говорят, а критически осмысливать их воспоминания или утверждения. Тогда можно понять более глубокие вещи, скажем, то, что Миллиган в ответ на требования юристов, психиатров и писателя выдавал им очередную свою псевдоличность (исходного Билли и Учителя), или что Дэниэл Киз для написания своей книги создал личный миф Миллигана, который Билли в лице Учителя тут же отыграл обратно Кизу, но уже как собственную историю жизни²⁷. При этом нужно учитывать и позицию самого исследователя (в данном случае мою). «На самом деле» – это результат удачной и правдоподобной реконструкции, а не созерцания того, что на самом деле было или выражено в тексте.

Различие моего истолкования трактата и Бибикина в следующем. Бибикин разъясняет Витгенштейна, предполагая, что последний мыслит совершенно правильно, безошибочно (иначе бы трактат, говорит он, не оказал такого влияния). При этом он старается, вероятно, в соответствии с принципами феноменологического подхода, показать, что мышление и сознание Витгенштена не столько дискурсивны, сколько образны, картинны, иконически, репрезентативны; разворачиваются как рационально и по правилам, так и во внутреннем плане, тавтологически, и поэтому не могут быть ясно описаны. А так же и потому, что любые описания сужают и искажают живое мышление.

Я же, напротив, сознательно осуществляю реконструкцию того, что делает Витгенштейн. И не только. Поскольку меня интересует судьба логики, я буду намечать (тоже в реконструкции) некоторые этапы становления европейской логики.

²⁶ Там же. С. 183.

²⁷ Розин В.М. Феномен множественной личности: По материалам книги Дэниела Киза «Множественные умы Билли Миллигана». Изд.2. М., 2013.

2. Авторская реконструкция «Логико-философского трактата»

Рассмотрим сначала непосредственные вменности и методологические установки автора «Логико-философского трактата». Бибахин пытается понять Витгенштейна, идя за ним, начиная с его участия в Первой мировой войне, вдумываясь в его письма и размышления, отчасти погружая творчество Витгенштейна в контекст философских и логических идей XX столетия (А.Уайтхед, Фреге, Рассел, Ф. де Соссюр, М. Хайдеггер). При этом он старается не схематизировать Витгенштейна, подводя его под ту или иную концепцию, но это Бибахину удается не всегда. Напротив, в интересной диссертации В.А.Суровцева, её автор мыслит концептуально, высказывая определенную гипотезу о том, что делал Витгенштейн и дальше последовательно интерпретирует с точки зрения этой гипотезы ЛФТ.

«В качестве основного методологического принципа, – пишет Суровцев, – которым Витгенштейн руководствуется при построении своей философской системы, выявлен принцип автономии логики. Содержательно этот принцип означает, что логический анализ должен быть освобождён от онтологических и эпистемологических допущений и сориентирован только на особенности знаковых изображений, определяемых синтаксической структурой языка<...> Показано, как с помощью синтаксического анализа последовательно преодолеваются онтологические и эпистемологические допущения Фреге и Рассела. В частности, изменение трактовки предложений и понимание их как факта требует пересмотра номинативной теории предложений и теории суждений; изменение понимания символической нагрузки знаков и последовательное различие сказанного и показанного позволяют отказаться от теории типов. Показано, что преодоление предпосылок приводит к иному пониманию существа логики, которая начинает рассматриваться как метод исследования свойств знаковых систем, и, как следствие, к иному пониманию логических предложений, трактуемых не как выражение законов мысли, а как способ демонстрации свойств языка»²⁸.

Начну с вопроса, как Витгенштейн понимал логику и свою жизнь. Выше я отмечал странную рефлексия автором ЛФТ своей жизни. «Ты, наверное, считаешь, что думать о самом себе растрата времени; но как я могу быть логиком, если я еще не человек! Прежде всего, я должен проявиться с самим собой!». «Логика не отдельна от жизни и не отдельна от моего человечества».

Читая «Дневники» Витгенштейна, начинаешь чувствовать личность, для которой мыслить, думать о природе логики и жить – это одно и то же. В этом смысле автор ЛФТ был не мистиком, как считают некоторые, а *мирским эзотериком*. Мирской эзотерик представляет собой человека, живущего двойной жизнью²⁹. С одной стороны, он здесь в этом мире, живет, как и все, руководствуясь правилами социальной жизни и принципами повседневной реальности. Но с другой стороны, – он эзотерик, т.е. считает, что есть подлинная реальность (у каждого эзотерика она своя, заточенная на его личность) и настоящая жизнь только там. Для моего учителя Г.П.Щедровицкого в качестве подлинной реальности выступало мышление, для Витгенштейна – логика.

В одном из последних интервью Щедровицкого мы читаем: «Со всех сторон я слышу: человек!.. личность!.. Вранье все это: я – сосуд с живущим, саморазвивающимся мышлением, я есть мыслящее мышление, его гипостаза и материализация, организм мысли. И ничего больше <...> Я все время подразумеваю одно: я есть кнехт, слуга своего мышления, а дальше есть действия мышления, моего и других, которые, в частности, общаются. В какой-то момент – мне

²⁸ Суровцев В. А. Принцип автономии логики в философии раннего Витгенштейна автореферат докторской дисс. Томск, 2001. <http://philosophy.ru/library/surovtsev/autoref.html>

²⁹ См. Розин В.М. Становление и особенности социальных институтов. Культурно-исторический и методологический анализ. М., 2012.

было тогда лет двадцать – я ощутил удивительное превращение, случившееся со мной: понял, что на меня село мышление и что это есть моя ценность и моя, как человека суть<...> Все наше поведение – это лишь отражение и пропечатка мощи нами используемых социокультурных форм, *но никак не творение индивидуального ума*. И в этом смысле я говорю: игра – играет, а мышление – мыслит»³⁰.

«Людвиг, – пишет Бибихин, – учился инженерному делу недолго не из-за недостатка способностей или интереса. Другое захватило его <...>

Витгенштейн вобрал в себя опыт самоубийства Европы в первой мировой войне. Он отслужил ее в австрийской армии всю с последующим девятимесячным пленом в Италии. Вторую мировую войну он перенес гражданином Великобритании на вспомогательных должностях в лондонском госпитале Томаса Гая, потом в исследовательской группе по физиологии (Ньюкасл).

Об определяющих событиях своей жизни Витгенштейн молчит. Все сделанное им было сбережением того, о чем невозможно сказать. Он не выдавал в своей речи интимного. Его стиль строго соблюдает границы области, куда объяснение не достает. Отстраненная речь, параллельная абстракции новой музыки и живописи, сложилась у Витгенштейна рано. Исполнители его воли по завещанию, распорядители архива издали военные дневники 1914-1916 годов только в их философской части. Позднее опубликованная интимная часть этих дневников показывает – верность призванию и безжалостное наблюдение себя <...>

Судьба человека, который метался в поисках путей, почти ничего не напечатал, оставил все во фрагментах, последние годы был неизлечимо болен, может показаться незавидной. Поэтому у него оставалась необходимость, умирая, перед последней потерей сознания сказать: “Передай им, что у меня была прекрасная жизнь”.

Важным для вдумчивого наблюдателя знаком философской захваченности этого человека было то, что после смерти отца 20.1.1913 Людвиг оставил себя ради свободы философских занятий без наследства, пожертвовав 000 крон на пособия людям искусства и отказавшись от остальных денег в пользу членов семьи.

После освобождения от службы санитаром при раненых Витгенштейн в свои зрелые годы умеет многое, писать книги, читать лекции. Он, однако, не спешит публиковать почти готовые «Философские исследования» и к 1947 году оставляет чтение лекций в Кембридже. *Ему ничего не интересно, кроме исканий мысли. Рядом с захваченностью ею все серо*. Но небывалое нельзя получить по желанию. Зимой 1947-1948 в коттедже Росторо графства Голуэй на западном побережье Ирландии он сидит у моря, ждет погоды. Озарение не приходит. Он предполагает, что причиной тому его теперь уже неизлечимый рак. Снова, как в Норвегии зимой 1913-1914, близок нервный срыв, кроме того, болит голова, тело, расстроен желудок. Об этих бедах он говорит мало. Главное, не идет работа <...>

Загадки, которыми Витгенштейн всегда говорил, отвечают тому неизвестному, чем он был захвачен. Мистическое – одно из его важных слов. Не требуются особые объяснения, почему путь, пройденный решающими умами 20 столетия, оказался таким необычным. Теперь яснее его необходимость. Отрешенная чистота была нужна среди смуты для сохранения целостности того, что не поддается представлению. Философ умеет своим словом хранить молчание, которое достойно питающей всех тайны»³¹.

Будучи мирским эзотериком, Витгенштейн, конечно же, признавал обычную жизнь, но скорее как фон, как реальность, которая по идее должна постепенно преобразоваться под влиянием подлинной реальности. Подлинная же реальность осознавалась Витгенштейном как Бог и логика одновременно.

Однако логика для Людвига имеет и собственное измерение (собственную реальность), помимо сакральной и духовной. Причем не как реальность *ставшего*, а как те вызовы, на которые

30 Щедровицкий Л.П. А был ли ММК? //Вопросы методологии. 1997, N 1-2. С. 9, 12.

31 Бибихин В.В. Витгенштейн: смена аспекта. С. 8-10, 12- 13.

нужно было ответить, как то, что нужно было понять и открыть в творчестве. Речь идет о вызовах, рассмотренные выше. Не удалось помыслить символическую логику, помыслить философски, помыслить так, чтобы прояснить условия мыслимости решений Фреге и Гуссерля, так, чтобы утвердить символическую логику в оппозиции к традиционной, разрешив противоречие между ощущением автономии символической логики и ощущением её зависимости. И опять же для Витгенштейна была очевидна автономия символической логики, её независимость от обычного мира и опыта, поскольку подлинная реальность не предполагает никакой другой, тем более ущербной. Когда Витгенштейн в ответ на вопрос Рассела не соглашался, что в комнате нет носорога, то он имеет в виду не обычный мир, а мир логики и только через него обычные события.

Витгенштейн ощущал, что в рамках этого второго измерения логика не предполагает обоснования извне, поскольку не было никакой инстанции, выше подлинной реальности, т.е. самой логики. Вспомним:

«Логика, должна обеспечивать (предусматривать, обуславливать) сама себя [...] Логика должна уметь позаботиться о самой себе [...] Мы, по-видимому, в известном смысле не можем ошибиться в логике. Это отчасти уже выражено в словах: логика безусловно обеспечивает сама себя. Это необычайно глубокое и важное познание. Еще раз: потому что логика должна обеспечивать сама себя. Возможный знак с необходимостью сразу же и обозначает. Всё, что вообще возможно, тут же и легитимно (позволено)».

«Сформулировав в Дневниках 1914-1916 основной принцип философии логики: “Логика должна заботиться о себе сама”, — пишет Суровцев, — и последовательно эксплицировав его в ЛФТ, Витгенштейн заложил совершенно новые принципы исследования своеобразия знания. Он выводит формальную логику из-под начала онтологии и теории познания, считая, что при прояснении её основных понятий необходимо отталкиваться исключительно от особенностей символического языка. Логика как исследование универсальных возможностей осмысленных утверждений не может быть фундирована никакой онтологией, как раз наоборот, поскольку именно логика устанавливает критерий осмысленности, любая онтология есть следствие логического прояснения возможных взаимосвязей структур описания. Как универсальный метод прояснения мыслей логика не может зависеть и ни от какой эпистемологии, поскольку теория познания рассматривается лишь как частная философская дисциплина»³².

Наконец, можно говорить и еще об одном измерении логики в непосредственных представлениях Витгенштейна. Логика — это движение мысли в построениях, формулах символической логики. Движение дискурсивное и самостоятельное, независимое от внелогической реальности.

«Но фразы логики — и только они, имеют то свойство, что их истинность, соотв. ложность, выражается уже в их знаке. Мне еще не удалось найти для тождества обозначение (*Bezeichnung*), удовлетворяющее этому условию; однако я не сомневаюсь, что такой способ обозначения должен отыскаться». «4.1213. Теперь нам понятно, — читаем мы в ЛФТ, — почему мы чувствуем, что мы владеем правильным логическим пониманием, если только все правильно в нашей символике»³³.

32 Суровцев В. А. Принцип автономии логики в философии раннего Витгенштейна.

33 Витгенштейн Логико-философский трактат.
<http://philosophy.ru/library/witt/01/01.html>

«Если исходить, — пишет Суровцев, — из того, что задача логики — разобраться в принципах символической комбинаторики, что позволило бы непротиворечиво описывать результаты познания, то взгляды Г.Фреге и Б.Рассела содержат ряд допущений, которые выходят за рамки её компетенции. Очевидно, например, что номинативная теория предложений, допускающая существование особых логических предметов “истина” и “ложь”, предположение о наличие особых

Так Витгенштейн понимает логику. А вот как, на мой взгляд, он понимает философскую работу. Во-первых, немного по Шопенгауеру: философия придает форму, проясняет мысль и язык.

Сравни. «4.112. Цель философии — логическое прояснение мыслей. Философия не теория, а деятельность. Философская работа состоит по существу из разъяснений. Результат философии — не некоторое количество “философских предложений”, но прояснение предложений. Философия должна прояснять и строго разграничивать мысли, которые без этого являются как бы темными и расплывчатыми» (ЛФТ).

«Но так как разум, — пишет Шопенгауер, — всегда возвращает познанию лишь нечто уже воспринятое иным путем, то он, собственно, не расширяет нашего знания, а только придает ему другую форму. А именно, то, что было познано интуитивно, *in concrete*, благодаря ему познается в абстрактном и общем виде, а это несравненно важнее, чем высказанное в такой форме кажется на первый взгляд»³⁴.

Только наглядность (и опыт) Витгенштейн понимает уже не как Шопенгауер, а по-своему — это наглядность логических формул и построений.

Во-вторых, философия по Витгенштейну поверяет себя именно логикой. Только там, где она опирается на логику, она может высказываться ясно и понятно. Там же, где эта опора исчезает, необходимо молчать.

«4.114. Философия должна ставить границу мыслимому и тем самым немислимому. Она должна ограничивать немислимое изнутри через мыслимое.

4.116. Все то, что вообще может быть мыслимо, должно быть ясно мыслимо. Все то, что может быть сказано, должно быть ясно сказано» (ЛФТ).

«Содержание Заметок, — отмечает Суровцев, — приводит к специфическому образу философии, которая, с точки зрения Витгенштейна, “включает логику и метафизику; логика — её основа” (ЗЛ, С.130(10)). Причём именно логика как основа философии должна решать, что имеет место в доктринальных рамках метафизики, а не наоборот, как у Г.Фреге и Б.Рассела, где онтологические и эпистемологические предпосылки определяют содержание логики. Отсюда вытекает метод философии: “Недоверие к грамматике есть первое требование к философствованию”, где недоверие к грамматике затрагивает не только естественный язык, но и искусственные языки Г.Фреге и Б.Рассела, связанные с допущениями, которые сказываются на способах формализации, предполагающих определённый образ мира»³⁵.

«6.3. Исследование логики означает исследование всей закономерности. А вне логики все случайно» (ЛФТ).

Нельзя сказать, что это второе понимание философии Витгенштейн выдерживает везде и строго. Для этого нужно было бы написать ЛФТ в форме логического дискурса (аксиоматика,

транслингвистических сущностей (“смыслов”), теория типов, исходящая из предпосылки о допустимых видах значения, или теория логических объектов имеют онтологический, а не логический характер. Выходят за рамки компетенции логики и эпистемологические допущения, связанные с функцией суждения, конституирующего истинностное значение, или с необходимостью принять особую разновидность созерцания, в котором даны логические объекты. Основное содержание ЗЛ (Заметок по логике. — В.Р.) связано с ревизией этих предпосылок и стремлением дать такое объяснение логической структуры, которое основывалось бы исключительно на особенностях функционирования элементов знаковой системы. Критика отталкивается от неприятия расселовской трактовки суждения как способа упорядочивания конститuent предложения (Суровцев В.А. Цит. соч.).

34 Шопенгауер Мир как воля и представление.

35 Суровцев В.А. Цит. соч.

формулы, таблицы истинности), чего на самом деле нет. Напротив, перед нами вполне традиционный философский дискурс, отчасти напоминающий собой метафизические построения Аристотеля, местами схематизмы Платона, часто металогические рассуждения логиков.

В-третьих, философию Витгенштейн понимает почти по Платону, правда, не осознает это: **философия создает новое видение, предъясвляет новую реальность**. Спрашивается, каким образом? Современный философ, кстати, и Шопенгауер ответили бы так: создавая новые понятия, мысля понятияно. Но Витгенштейн был в философии дилетантом, и, похоже, не умел работать с философскими понятиями. Отсюда «темнота» его текстов для настоящих философов.

«Во-первых, — отмечает Суровцев, — сложность и даже эзотеричность ранних работ связана с использованием символического аппарата, идей и методов современной логики. Последнее обстоятельство позволило Г.Райлу, одному из учеников Витгенштейна, как-то заметить, что “Трактат в значительной мере закрытая книга для тех, кто не понимает его технического оснащения. Редко кто может прочитать его без чувства, что происходит нечто важное, но лишь некоторые могут сказать, что именно”...

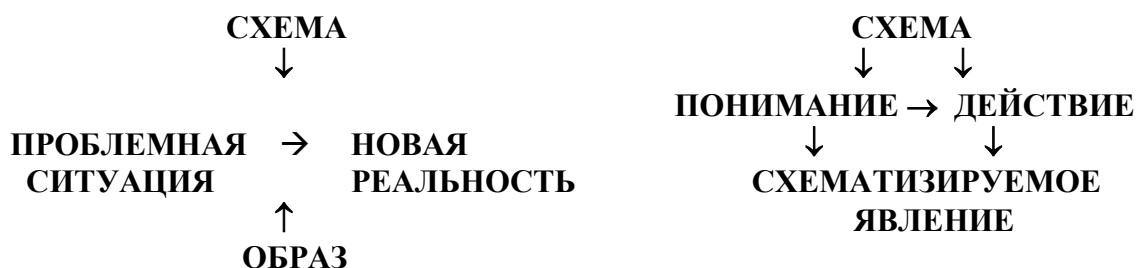
Вторая проблема относится скорее к стилевым, нежели к содержательным особенностям ранних работ. Она не так проста, как кажется на первый взгляд. В Дневниках от 9.11.1914 Витгенштейн писал: “Причиной моих лучших открытий было то, что я хотел бы назвать сильным схоластическим чувством”...

По-видимому, окончательно разрушил миф об однозначной композиционной определённости ЛФТ Э.Стениус, продемонстрировав это на множестве примеров. Считая, что Витгенштейн “скорее чувствовал, нежели точно знал”, как нужно расставить афоризмы, Стениус передаёт процесс организации этого произведения во власть художественного гения, сравнивая композиционное единство ЛФТ с композиционным единством музыкального произведения, где есть свой ритм с главными и второстепенными темами, тональностями, темпом и т.д., регулируемые нумерацией...

Впрочем, данные замечания нисколько не противоречат установке самого Витгенштейна, который ещё в заметках 1913 года не считал философию дедуктивной наукой. Он, в частности, писал: “В философии нет умозаключений; она – чисто дескриптивна”...

В данном случае вполне можно согласиться с мнением Г.Энском: “Эта книга завладела умами людей, оставаясь в то же время во многих местах исключительно тёмной <...> Трактат не строится как последовательный вывод из посылок; если мы хотим найти основание для его понимания, мы должны посмотреть в середину, а не в начало”»³⁶.

Как же в этом случае предъясвлять новую реальность? Ну, также как её в «Пире» вводил Платон – с помощью схем. Напомню, что я понимаю, говоря о схемах. Схемы представляют собой особые построения (в графической или нарративной форме), которые изобретаются с целью разрешения проблемных ситуаций. Они задают новую реальность, позволяя понять явление и действовать. Необходимое условие изобретения схем и работы с ними – означение. Схемы отличаются от схематизируемого явления.

³⁶ Там же.

Проблемную ситуацию, с которой имел дело Витгенштейн можно охарактеризовать так: это потребность в философском осмыслении становящейся символической логики, неразличение двух исторических типов логик (логика как система правил и категорий, позволяющих рассуждать непротиворечиво, и логика как обоснование в духе Гильберта), необходимость разрешить противоречия между ощущением автономии символической логики и ощущением её зависимости от традиционной логики. Новая реальность и понимание появляются в результате прочтения и осмысления ЛФТ (сюда входят и разъяснения комментаторов). Схема задается нарративными построениями ЛФТ, прежде всего, собственно онтологическими схемами (два слоя – мир и действительность, связанные определенными отношениями; конфигурации, составленные из таких составляющих как факты, объекты, события, предложения, ситуации, предметы, знаки, язык и др.). Кроме схем в ЛФТ есть что-то напоминающее методологические предписания (например, описание способа логического анализа или реконструкции предложений³⁷); встречаются и формулировки принципов и даже рефлексивных отношений, что тоже может быть отнесено к методологии (но и философии)³⁸. В качестве схематизируемого явления выступают, с одной стороны, практика и опыт работы символических логиков (Фреге, Рассела, самого Витгенштейна), с другой – реализованные позднее варианты символической логики, *на которых сказало влияние идей Витгенштейна*. Сразу стоит развести позиции самого автора ЛФТ и его комментаторов. Большинство последних, за редким исключением, рассматривают ЛФТ как философское понятийное построение. Вот, один из примеров.

«Общая логическая картина мира (или онтология), – пишет известный переводчик и комментатор ЛФТ Мария Козлова, – которая вырисовывается в ЛФТ, такова. Ее праэлементы – ОБЪЕКТЫ. Им присуща возможность включаться в СО-БЫТИЯ и уже в их составе вписываться в ФАКТИЧЕСКИЕ ситуации. Будучи взаимосвязаны с тем или иным событием, объекты вместе с тем САМОСТОЯТЕЛЬНЫ, поскольку наличествуют во всех возможных ситуациях (2.0122). Поэтому они характеризуются как СУБСТАНЦИЯ МИРА, ПРЕБЫВАЮЩЕЕ. Что же касается ФАКТОВ (включая и элементарные факты, или со-бытия), то они мыслятся как СТАНОВЯЩЕЕСЯ, меняющее свои конфигурации. Кроме того, факты переменны, подвижны еще и потому, что не являются чем-то просто ДАННЫМ [Автор ЛФТ – мыслитель XX в., освоивший уроки кантианства и весьма далекий от представлений о непосредственной данности объектов и фактов субъекту. Его ориентир – «Мир как представление»]. Их можно вычленять, группировать и рассматривать с разных позиций, т.е.

37 Вот один из примеров. «4.221. Очевидно, что при анализе предложений мы должны доходить до элементарных предложений, которые состоят из непосредственной связи имен» (ЛФТ).

38 Ими завершается ЛФТ. «6.53. Правильным методом философии был бы следующий: не говорить ничего, кроме того, что может быть сказано, – следовательно, кроме предложений естествознания, т. е. того, что не имеет ничего общего с философией, и затем всегда, когда кто-нибудь захочет сказать нечто метафизическое, показать ему, что он не дал никакого значения некоторым знакам в своих предложениях. Этот метод был бы неудовлетворителен для нашего собеседника - он не чувствовал бы, что мы учим его философии, но все же это был бы единственный строго правильный метод.

6.54. Мои предложения поясняются тем фактом, что тот, кто меня понял, в конце концов уясняет их бессмысленность, если он поднялся с их помощью – на них – выше их (он должен, так сказать, отбросить лестницу, после того как он взберется по ней
наверх).

Он должен преодолеть эти предложения, лишь тогда он правильно увидит мир.

7. О чем невозможно говорить, о том следует молчать».

воспринимать как разные факты. Вспомним хотя бы схематичный куб, который видят та так, то этак, или неодинаковое описание, структурирование мира в разных «сетках» механики и др. Витгенштейн, имевший хорошую инженерную, математическую и естественнонаучную базу, прекрасно понимал, что значит – пролить новый свет на факты, подойти к ним с иных позиций. Эта проблематика выйдет, на первый план и получит более полное развитие в «Философских исследованиях» («видение аспекта» и др.), на она уже намечена и в ЛФТ»³⁹.

Однако *ЛФТ не понятийное построение, а главным образом система согласованных между собой схем*. Схема же разными субъектами может быть прочитана по-разному. Кроме того, поскольку реальность, заданная схемой, еще понятийно не проработана, она не может быть принципиально прочитана (истолкована) однозначно. Например, если мы не знаем, что Платон стремится построить непротиворечивые понятия, заданные определениями, то схемы вынашивания духовных плодов и андрогинов в «Пире» могут быть прочитаны и поняты как угодно. Но если мы (исследователь) знаем, куда хотим прийти, например, как Бибахин в феноменологию, или как Козлова – в философскую онтологию, то, в этом случае, конечно, можно дать однозначную интерпретацию понимания схемы. Однако, ведь, Витгенштейн не указывает, куда он хочет идти. Более того, кажется, что его устраивает реальность, заданная схемами и слабыми методологическими соображениями («слабыми», поскольку он не осознавал себя методологом; это я его так опознаю). Кстати, поэтому же Витгенштейн не мог объяснить свои построения. Схемы изобретаются, предлагаются ученому сообществу, но объяснены быть не могут (в лучшем случае, можно показать, как с ними работать). Если все же схемы начинают понятийно осмысляться, то на их основе создаются идеальные объекты (иногда онтология).

Как ставил вопрос о схемах Г.П. Щедровицкий в статье 1966 г. «Заметки о мышлении по схемам двойного знания». Мы, пишет он, строим схемы, конструируя их на основе имеющихся у нас других схем, а также различных методологических соображений. При этом, говорит Щедровицкий, чтобы добиться целостного изображения изучаемой эмпирической реальности, мы устанавливаем между используемыми для конструирования элементарными схемами определенные связи. Но нельзя ограничиться простым полаганием существования в объекте тех зависимостей, отношений и связей, которые представлены на изображении. Нужно построить эту структуру и тем самым показать и доказать, что «зависимостям, отношениям и связям, представленным в схеме, действительно соответствуют особые зависимости, отношения или связи в самом объекте»⁴⁰.

«Наука ведь не кладет объект в мир. Это функция философии». «Но сначала это утверждалось идеологически, как принцип, а теперь все это надо было реализовать конструктивно и строго научно»⁴¹.

«Я говорю: мы должны породить эту структуру, мы должны ее осознать, осмыслить, мы ее должны нарисовать, мы ее должны перед всеми положить. И теперь она становится тем, что осваивается как форма и содержание. Теперь она стала неким знанием, употребляемым в онтологической картине. И это есть результат нашей работы. Мы должны это нарисовать»⁴².

Вспомним теперь, каким образом схемы осмысляет Платон. Схема («правдоподобный миф»), утверждает Платон, – это не идея (не объект, сказали бы мы), а то, что *сходно* с идеей.

«Но в каждом рассуждении, – пишет Платон, – важно избрать сообразное с природой начало. Поэтому относительно изображения и прообраза надо принять вот какое различие: слово о каждом из них сродни тому предмету, который оно изъясняет. О непреложном, устойчивом и

39 Козлова М.С. Комментарии к переводу ЛФТ (1994) <http://philosophy.ru/library/witt/witt94.html>

40 Щедровицкий Г.П. Заметки о мышлении по схемам двойного знания // Избранные труды. М., 1995. С. 474-475.

41 На досках. Публичные лекции по философии Г.П.Щедровицкого. ШКП. М., 2004. Стр. 108-109.

42 ОДИ- 1 // Организационно-деятельностные игры. М., 2006. Стр. 365.

мыслимом предмете и слово должно быть непреложным и устойчивым; в той мере, в какой оно может обладать неопровержимостью и бесспорностью, ни одно из этих свойств не может отсутствовать. Но о том, что лишь воспроизводит первообраз и являет собой лишь подобие настоящего образа, и говорить можно не более как правдоподобно. Ведь как бытие относится к рождению, так истина относится к вере. А потому не удивляйся, Сократ, что мы, рассматривая во многих отношениях много вещей, таких, как боги и рождение Вселенной, не достигнем в наших рассуждениях полной точности и непротиворечивости. Напротив, мы должны радоваться, если наше рассуждение окажется не менее правдоподобным, чем любое другое, и притом помнить, что и я, рассуждающий, и вы, мои судьи, всего лишь люди, а потому нам приходится довольствоваться в таких вопросах правдоподобным мифом, не требуя большего»⁴³.

Кстати, и Щедровицкий употребляет похожее понятие – «соответствие» (нужно, говорит он, показать, что «зависимостям, отношениям и связям, представленным в схеме, действительно *соответствуют* особые зависимости, отношения или связи в самом объекте»). Другими словами, схема по Платону подводит нас к идее, в ней идея задается, но как бы не до конца. Чтобы идея стала идеей, сказал бы Платон, нужно еще совершить прыжок: от правдоподобных рассуждений нужно перейти к собственно мышлению и познанию. Конкретно, для Платона показателем познания выступает определение. Если определение найдено, то идея задана и можно быть уверенным, что наша мысль и рассуждения непротиворечивы.

Сравнивая представления о схемах у Платона и Щедровицкого, мы можем сформулировать следующую гипотезу: *схемы создаются как предварительное условие познания, они позволяют задать основные характеристики объекта изучения, подводят нас к нему, но только подводят, собственно изучение этого объекта разворачивается в сфере познания, однако, часто только на схемах мы можем нащупать основные характеристики объекта, который мы исследуем*⁴⁴.

В комментариях к ЛФТ Козлова не только истолковывает работу Витгенштейна как понятийную, но иногда довольно близко подходит и к пониманию, близкому к нашим представлениям. Однако у Козловой нет понятия «схема», она предпочитает говорить, «что картина мира в ЛФТ мыслится не как отражаемое в логическом “зеркале” мозаичное панно, составленное из неких устойчивых фактов и сохраняющее свой постоянный “узор”; это – скорее панно с меняющимся “узоров”, некий логический калейдоскоп, способный давать разные конфигурации варьируемых фактов», что «“двухслойность” онтологии ЛФТ позволяет строить логические картины действительности, то есть пробные логические проекции ситуаций», что «оба уровня онтологии ФЕНОМЕНАЛЬНЫ, т. е. выступают как два “слоя” – ЛОГИЧЕСКИЙ И РЕАЛЬНЫЙ – познавательного опыта»⁴⁵.

2.1. Принципиальная методологическая схема структуры ЛФТ

Проанализируем, каким образом Витгенштейн в ЛФТ мог разрешить проблемную ситуацию, которая перед ним стояла. Конечно, сам автор ЛФТ не мыслил свои действия как ответ на вызовы времени и разрешение проблемной ситуации, все эти понятия мои, методологические, необходимые для реконструкции ЛФТ. Судя по дневникам, для Витгенштейна проблема была в другом: как жить достойно в невыносимых условиях войны и, что такое логика, причем не как две разные задачи, а как одна. Но логика не совпадала с жизнью, не вписывалась в привычные представления о том, что существует, как устроена реальность, каков мир. Чтобы разрешить

43 Платон. Тимей // Собрание соч. в 4-х т. Т. 3. М., 1994. Стр. 433.

44 Правда, существуют и другие типы схем. Например, «инженерные и проектные схемы» или «направляющие схемы». Их основная функция не ориентирована на познание. А на проектирование, расчеты, управление поведением. См. подробнее. Розин В.М. Семиотические исследования. М., 2001; Розин В.М. Введение в схемологию. Схемы в философии, культуре, науке, проектировании. М., 2011.

45 Козлова М. С. Комментарии к переводу ЛФТ.

это экзистенциальное противоречие (так это видится мне, а как эту коллизию осознавал и переживал автор ЛФТ неизвестно), Витгенштейн начинает размышлять о логике не в плане её обычной проблематики, с которой он познакомился у Фреге и Рассела, а иначе; он стал выяснять её эпистемологические и бытийственные основания. Такой ход позволял помыслить логику не только саму по себе, но и как условие собственной жизни. Что же конкретно, для Витгенштейна выступило первоначально в качестве эпистемологических и бытийственных оснований логики? Феномены *тождества* (Бибихин говорит по-старинному – «тожество») и *тавтологии*. Но именно эти процедуры (в эпистемологическом плане) лежали в основании символической логики как программы обоснования в гильбертовском духе: решение задач обоснования логики (т.е. металогических), выливалось в обсуждение вопросов *тавтологии, тождества и различия* логических построений, а также *сведения и преобразования* одних логических построений к другим.

«17.10.1913 Расселу, – пишет Бибихин, – сообщается текущая тема, тожество. В письме ему же 29.10.1913 тожество распространяется на всякое повторение одного и того же символа в логической записи.

*“Тожество самый Дьявол и есть, и невероятно важно; намного важнее, чем я думал. Оно прямо связано — больше чего бы то ни было — с самыми фундаментальными вопросами, особенно с вопросами, касающимися появления того же аргумента в разных местах функции”*⁴⁶.

В приписке 30.10.1913 говорится, что “вчерашнего дня” еще “совершенно новые идеи пришли мне в голову”: не следует ли вся Логика из одной только пропозиции?

В письмах к Расселу этого времени Витгенштейн переходит на немецкий, что означает у него повышенную серьезность, и в конце 1913 года почти ультимативно требует принять, что все пропозиции логики суть обобщения тавтологий и наоборот, все обобщения тавтологий суть положения логики.

“Вопрос о существовании тождества не решается, пока не прояснено существование тавтологии. А вопрос о нем есть основной вопрос всей логики (Расселу 15.12.1913). Приходилось ли вам когда-нибудь думать о природе тавтологии? Вот что меня сейчас тревожит” (Джорджу Муру на почтовой открытке 30.1.1914).

“Одиночество здесь мне бесконечно благотворно и мне кажется, что жизни среди людей я теперь бы не перенес. Во мне всё в брожении! Великий вопрос теперь: как создать систему знаков, в которой всякая тавтология позволяет одним и тем же образом опознать себя как тавтологию? Это основная проблема логики! — Я уверен, что никогда в своей жизни ничего не опубликую. Но после моей смерти Ты должен отдать в печать ту книжку моих дневников, где написана вся эта история”⁴⁷.

С точки зрения эпистемологии, тожество и тавтология – процедуры познания, с бытийственной же позиции – это «кирпичики», с помощью которых может быть построено «здание бытия» (возможно, «атомарные факты» в ЛФТ соответствуют тавтологии, а просто «факты» – тождеству). Вообще-то в философии такую роль, как я показываю, играют категории (они и элемент бытия и правильные схемы познания), но поскольку Витгенштейн в философии был дилетантом, он работает с категориями как с простыми схемами реальности. Во всяком случае ясно, куда двигался Витгенштейн: он открывает бытие (мир), который является одновременно и обычным миром и логикой, *открывает (выстраивает) за счет перехода от эпистемологических оснований к онтологическим*. Вот здесь и понадобились

46 Ludwig Wittgenstein, Briefwechsel mit B. Russell, G. E. Moore, J. M. Keynes, F. P. Ramsey, W. Eccles, P. Engelmann und L. von Ficker. Frankfurt a. M.: Suhrkamp 1980S. 242.

47 Там же. S. 45-46. Бибихин Цит. соч. С. 31-37.

схемы, ведь их основная функция – обеспечить переход от экзистенций и установок (проблемной ситуации) личности к новой реальности (онтологии)⁴⁸.

Конкретно, помимо уже названной линии перехода от категорий тождество и тавтология к представлениям типа «мир», «факты», «объекты», «предметы», «ситуации», «субстанция», вероятно, в творчестве Витгенштейна можно выделить еще четыре основные линии перехода.

Во-первых, переход от различения и оценки на подлинность традиционной логики и символической. Витгенштейн не мог игнорировать тот факт, что символическая логика в своих построениях опирается на рассуждения и традиционную логику (одним образом на стадии построения символического дискурса, другим – на стадии его функционирования). Но утверждение автономии символической логики предполагало в плане ощущения реальности несимметричность: реальность символической логики – это основная реальность (подлинная), а реальность рассуждений и традиционной логики – реальность производная и вторичная. «Мысля схемами», Витгенштейн выражает и артикулирует эти свои ощущения в конструкции «Мир – действительность», в которой эти две реальности (слоя) связаны между собой, с одной стороны, отношением соответствия (моделирования), с другой – масштабирования (конституирования).

«2.1. Мы создаем для себя образы фактов.

2.11. Образ изображает факты в логическом пространстве, т. е. в пространстве существования или несуществования атомарных фактов.

2.12. Образ есть модель действительности.

2.13. Объектам соответствуют в образе элементы этого образа.

2.14. Образ состоит в том, что его элементы соединяются друг с другом определенным способом.

2.15. То, что элементы образа соединяются друг с другом определенным способом, показывает, что так же соединяются друг с другом и вещи. Эта связь элементов образа называется его структурой, а возможность этой структуры - формой отображения этого образа.

2.151. Форма отображения есть возможность того, что предметы соединены друг с другом так же, как элементы образа.

2.1511. Так образ связан с действительностью; он достает до нее.

2.1512. Он подобен масштабу, приложенному к действительности.

2.1514. Отношение отображения заключается в соотношении элементов образа и предметов.

2.1515. Эти соотношения есть как бы щупальца элементов образа, которыми образ касается действительности.

2.16. Чтобы быть образом, факт должен иметь нечто общее с тем, что он отображает.

2.21. Образ соответствует или не соответствует действительности, он верен или неверен, истинен или ложен.

2.222. Истинность или ложность образа состоит в соответствии или несоответствии его смысла действительности.

2.223. Чтобы узнать, истинен или ложен образ, мы должны сравнить его с действительностью.

4.01. Предложение-образ действительности. Предложение - модель действительности, как мы ее себе мыслим.

4.023. Предложение должно определять действительность до такой степени, чтобы достаточно было сказать “Да” или “Нет”, для приведения его в соответствие с действительностью. Для этого действительность должна полностью описываться им.

4.05. Действительность сравнивается с предложением» (ЛФТ).

48 Проблемная ситуация может быть прочитана двояко: с точки зрения индивида (тогда это проблемы и вызовы времени, на которые он пытается ответить) и с точки зрения культуры, тогда это разрывы и напряжения, осознаваемые по-разному разными индивидами (объективность этих разрывов и напряжений выявляется в реконструкции).

Обратим внимание, что отношение соответствия относится к познавательному плану, а масштабирования – к совершенно другому, скорее инженерному. С этой точки зрения, непонятно, что такое «действительность». Витгенштейн говорит о ней, как о том, что существует: её надо достигать, моделировать. Но что тогда означает «масштабирование»? Может быть, становление (формирование)? В этом случае можно было бы понять тезис: «Мы создаем для себя образы фактов». Однако для Витгенштейна совершенно не характерен анализ становления.

Теперь такой вопрос: если образы («рисунки», по Бибихину) задают факты и затем предметы действительности, то чем руководствуется логик, что его обуславливает в этом творчестве. Если по Витгенштейну мышление и логика совпадают (2.221. То, что образ изображает, есть его смысл. 3. Логический образ фактов есть мысль), то и построение образов фактов происходит в логике. Получается, что логика задает сама себя, а Витгенштейн её агент. Но Витгенштейн осознает свою роль иначе, говоря о границе.

«5.621. Мир - и жизнь едины.

5.63. Я есть мой мир (микрокосм).

5.632. Субъект не принадлежит миру, но он есть граница мира.

5.641. Следовательно, действительно имеется смысл, в котором в философии можно не психологически говорить о Я. Я выступает в философии благодаря тому, что “мир есть мой мир”. Философское Я есть не человек, человеческое тело и человеческая душа, о которой говорится в психологии, но метафизический субъект, граница - а не часть мира». (ЛФТ)

Почему граница? Возможно потому, что помыслить Я строго (логически) невозможно. Для этого нужно положить Я в качестве объекта собственного рассуждения, т.е. того же Я. Но Витгенштейн отказывается вводить и обсуждать рефлексю. Самое большее, на что он идет, говорить о границе. Это некоторый компромисс: Я – и обычное Я, и не Я, граница.

Постулирование двух реальностей (мира и действительности), естественно, спровоцировало вопрос о том, как они связаны объективно, а не только по процедурам (подобие и масштабирование). Чтобы задать эту связь, Витгенштейн обратился к семиотике.

«3.23. Требование возможности простого знака есть требование определенности смысла

3.262. То, что не может выражаться в знаке, выявляется при его применении. То, что скрывают знаки, показывает их применение.

3.32. Знак есть чувственно воспринимаемая часть символа.

3.327. Знак определяет логическую форму только вместе со своим логико-синтаксическим применением.

3.328. Если знак не необходим, то он не имеет значения. В этом смысл "бритвы" Оккама. (Если все обстоит так, как если бы знак имел значение, то он имеет значение.)

3.33. В логическом синтаксисе значение знака не должно играть никакой роли; должна быть возможна разработка логического синтаксиса без всякого упоминания о значении знака; она должна предполагать только описание выражений.

3.331. Исходя из этого замечания, мы пересмотрим расселовскую "теорию типов". Ошибка Рассела проявилась в том, что при разработке своих символических правил он должен был говорить о значении знаков⁴⁹.

49 «Рассел принимает функциональную трактовку высказываний, предложенную Фреге. Однако его не все в ней удовлетворяет. В частности, Рассел не принимает фрегеанскую трактовку функции как неопределяемого понятия. Напомним, что с точки зрения Фреге, выделение в высказывании функции и аргумента зависит от контекста и то, что рассматривалось в качестве функции, может становиться аргументом, и наоборот. Отталкиваясь от такого понимания, Б.Рассел сформулировал свой знаменитый парадокс. Если функция и аргумент находятся на одном и том же уровне, то, сконструировав высказывание, в котором одно и то же выражение может

3.332. Ни одно предложение не может высказывать что-либо о самом себе, потому что пропозициональный знак не может содержаться в самом себе (это есть вся "теория типов")». (ЛФТ).

При этом, как показывает Бибахин, Витгенштен принимает трактовку семиотики по Ф. де Соссюру.

«Лишь упомянув о том, – пишет Бибахин, – что Соссюр и Витгенштейн одинаково замечают, насколько мало шахматная игра имеет отношения к материалу шахматных фигур, остановимся

рассматриваться одновременно как функция и как аргумент этой функции, можно прийти к противоречию<...>

Противоречие демонстрирует неприемлемость такого понимания функции и аргумента, которое имеет место у Фреге, но это еще не означает, что неверна функциональная трактовка логической структуры высказывания. Для решения парадокса Рассел разрабатывает так называемую теорию типов, которая по существу сводится к ограничениям, накладываемым на образование классов, а стало быть, и соответствующих высказывательных (пропозициональных) функций. Так, например, он пишет: “Общность классов в мире не может быть классом в том же самом смысле, в котором последние являются классами. Так мы должны различать иерархию классов. Мы будем начинать с классов, которые всецело составлены из индивидов, это будет первым типом классов. Затем мы перейдем к классам, членами которых являются классы первого типа: это будет второй тип. Затем мы перейдем к классам, членами которых являются классы второго типа; это будет третий тип и т.д. Для класса одного типа никогда невозможно быть или не быть идентичным с классом другого типа”. На образование классов необходимо накладывать ограничения, запретив образовывать классы, которые могли бы выступать в качестве своих собственных элементов. Классы должны образовывать строгую иерархию, где первый уровень представляли бы собой классы, содержащие только индивиды, второй уровень – классы, содержащие классы индивидов, третий уровень – классы, содержащие классы классов индивидов, и т.д. Разные уровни требуют различных средств выражения; то, что можно сказать об индивидах, нельзя сказать об их классах, а то, что можно сказать о классах индивидов, нельзя сказать о классах классов индивидов и т.д. В общем, это и составляет сущность теории типов<...>

В применении к высказывательным функциям это означает, что ни одна функция не может быть применена к самой себе; то, что рассматривается в качестве аргумента, никогда не должно становиться функцией, и наоборот, на одном и том же уровне. Последнее требование закрепляется Расселом в теории удовлетворительного символизма. Зафиксировать тип – значит зафиксировать соответствующий тип символа, указывающий на соответствующее значение. С точки зрения Рассела, к парадоксам приводит смешение различных типов, которого необходимо избегать. При таком подходе, очевидно, отпадает надобность в оценке контекста целостного высказывания. Значение символа должно заранее определяться словарем, который сконструирован иерархическим образом согласно типам, а правила образования выражений накладывают ограничения на использование словаря <...>

Теория типов становится для Рассела универсальным методом решения парадоксов, не только обнаруженных им самим, но и известных с давних времен<...> Символическая система Фреге не удовлетворяет требованиям теории типов, поэтому в ней и можно сформулировать парадоксальные утверждения» (Блинов А.К., Ладов В.А., Лебедев М.В. Аналитическая философия. <http://www.niv.ru/doc/philosophy/philosophy-analytic/014.htm>)

на том, что у обоих знаки соотносятся прежде всего между собой и лишь через свою “структуру” отображают действительность. Одно-однозначная привязка знаков к предметам строго запрещена. У Витгенштейна эта мысль повторяется не раз. Соссюр настаивает на ней со всей решительностью»⁵⁰.

Эта точка зрения, нам еще понадобится.

Вторая линия состояла в переходе от работы символической логики по конструированию искусственного языка и записи предложений в нем к утверждениям в ЛФТ, касающимся языка, знаков, предложений, деконструкции их (а фактически, наоборот, конструирования предложений в языке символической логики), атомарных фактов как предела анализа предложений (4.1. Предложение изображает существование и несуществование атомарных фактов. ЛФТ).

Третья линия – переход от анализа предложений на истинность и ложность к утверждению, что анализ истинности обязательно предполагает испытание на ложность, а сам мир устроен так, что всегда поляризуется по отношению к оппозиции «истина–ложь».

«Что я хочу сказать, это что мы *только* тогда понимаем фразу, если знаем *и* то, что будет иметь место, если она *ложна*, *и* что – если она *истинна*»⁵¹.

«4.023. Предложение должно определять действительность до такой степени, чтобы достаточно было сказать “Да” или “Нет”, для приведения его в соответствие с действительностью. Для этого действительность должна полностью описываться им. Предложение есть описание атомарного факта. Как описание объекта описывает его по его внешним свойствам, так предложение описывает действительность по ее внутренним свойствам. Предложение конструирует мир с помощью логических строительных лесов, поэтому в предложении можно также видеть, как обстоит дело со всем логическим, когда это предложение истинно. Можно делать выводы из ложного предложения». (ЛФТ)

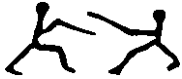
4.26. Указание всех истинных элементарных предложений полностью описывает мир. Мир полностью описывается указанием всех элементарных предложений вместе с указанием того, какие из них истинны, а какие ложны». (ЛФТ)

Четвертая линия, возможно не совсем четкая, с точки зрения нашей гипотезы, представляла собой объяснение возможности автономной работы в дискурсе символической логики. Здесь Витгенштейн от установок, касающихся независимости построений и работы логики от традиционной логики и обычных рассуждений, а также возможности решать все логические проблемы и задачи в плоскости самого этого дискурса, переходит к утверждению о том, что предложения (по Бибахину, фразы) сами показывают логические отношения. Сами, однако, не означают, что их можно просто созерцать. Все-таки необходима логическая работа (реконструкция предложений, построение образов-рисунков, движение в них и прочее). При этом предложение Витгенштейн вынужден трактовать несколькими различными способами: с одной стороны, как обычное предложение на втором уровне (действительности), с другой – как предложение, которое реконструируется в языке символической логики на первом уровне (мира), с третьей стороны, оно трактуется именно как то, что «показывает». Специального языка для этого третьего понимания у Витгенштейна нет. Бибахин, спасая положение, предлагает переводить «предложение» как фразу, и образ как рисунок. При этом, обсуждая, что такое рисунок, он на мой взгляд, приближается к понятию схема, но только приближается.

«На рисунке, – размышляет Бибахин, – двое фехтующих. Дерутся ли между собой А и В в действительности? Возможно, нет.

⁵⁰ Бибахин В. Цит. соч. С. 101.

⁵¹ Ludwig Wittgenstein, Briefwechsel...S. 242.

Я нарисовал то, что могло быть, чего я хочу или чего боюсь, что мне померещилось.

“Рисунок может изображать отношения, которые не имеют места!!! Как это возможно?”⁵².

Если рисунок правдиво срисовывает действительность (между А и В на деле дуэль), он всё равно не совпадает с ней, потому что без изменения может означать и свою противоположность. С другой стороны, если рисунок не срисовывает действительность, но выражает

мое желание, то он не ложь или не ложь в смысле чего-то плохого. Нам ничто не мешает сказать хорошо, если р, даже если мы не знаем, истина р или ложь. Мы совершенно очевидно можем сказать, что положение вещей р хорошо, не зная, истинно «р» или ложно<...>

Когда на нашем рисунке А и В фехтуют, а в действительности они заняты другим, рисунок ложь? Мы подбираемся тут к существу истины. Они не дерутся, но достойно было бы им драться; своим рисунком я даю им шанс это понять.

Высказывание есть рисунок, или набросок, в котором мы, пробуя мир, составляем вещи, стремясь вовсе не обязательно к тому, чтобы они составились как в действительности. Что мы пробуем? Чтобы получилось; чтобы было лучше. Сами ли мы при этом удваиваем действительность? Нет. Не мы создали помимо действительности другой второй символический мир, а с самого начала всегда уже имели дело с двумя.

Описание мира через фразы возможно только потому, что означаемое не есть свой собственный знак!

Действительность исходно отмечена лишением. Сама по себе она ничего не значит. Чтобы сделать ее значащей, нужны существа, составляющие ее рисунки. Как существа, имеющие такое свойство, мы принадлежим действительности. Тождество логического рисунка и действительности разворачивается на фоне ее исходного раздвоения. Речь не добавление, пристроенное к вещам задним числом. Действительность сама исключила свой знак. За нее отвечаем мы. Без тождества знака и означаемого эта задача невыполнима. Полным будет никогда не содержательное, а только логическое тождество. Рисунок никогда не станет тем же, что действительность. Он однако может оказаться тем самым<...> Толкование проскакивает мимо простого и первого, факта существования рисунка. Он появился, предложил себя, двинулся в мир. Рисунок есть факт не хуже других фактов, мы видели, не благодаря своей похожести или непохожести на изображенное, а как человеческий поступок измерения мира при существовавшей возможности не делать этого<...> Говоря «рисунок», В. имеет в виду логическое изображение, предполагающее границу между да и нет»⁵³.

Однако у самого Витгенштейна всех этих рассуждений нет. В то же время Витгенштейн, как известно, начинал как инженер. Нельзя ли предположить, что невольно он смотрел на логические построения как на схемы, с которыми инженер имеет дело на каждом шагу. Если не вдаваться в анализ инженерных схем, то кажется, что они именно показывают, как устроено изделие. Кроме того, инженерные схемы тесно связаны с расчетами, которые легко отождествить с логическими преобразованиями. Все это, правда, догадки, подтвердить которые фактами высказываний самого автора ЛФТ я не могу.

Реально же идея показа у многих философов и логиков вызывает непонимание. Вот один из фрагментов книги Библихина.

«Говорит Поппер. Враждебная близость к Витгенштейну заставляет его прежде всего подумать здесь о нем. Всё решила бы, продолжает Поппер, витгенштейновская теория языка как рисунка действительности, поскольку вне этой теории всякое соответствие между заявлением и фактом представляется неисправимо туманным, однако теория фраз-рисунков

⁵² L. Wittgenstein, Werkausgabe, 8 Bd. Frankfurt a. M.: Suhrkamp Taschenbuch Wissenschaft 1984. v. 1, S. 95

⁵³ Библихин В. Цит. соч. С. 56-58. 166-167.

“безнадежно и собственно даже возмутительно ошибочна, так что не представляется перспектив для объяснения соответствия утверждения с фактом”⁵⁴.

Несовместимость Поппера с Витгенштейном очевидна почти на телесном уровне; надеяться на сколько-нибудь серьезную попытку их понять друг друга нельзя»⁵⁵.

«В начале учебного года 1946-1947 Поппер был приглашен в Клуб моральных наук Кембриджского университета прочитать о какой-нибудь философской головоломке, philosophical puzzle. Согласно его собственному отчету он сразу догадался, что формулировка темы принадлежит Витгенштейну: проблем у философии нет, есть только паззлы, путаницы, где достаточно сложить обрывки в целое, чтобы увидеть мнимость всего, над чем веками бьются умы. Поппер приехал и с вызовом начал говорить – это было 26 октября 1946 в кабинете Брейсвейта³ в Королевском колледже Кембриджа, – наоборот, на тему «Есть ли у философии проблемы?». Кто думает, начал он, что у философии настоящих проблем нет, тот бессознательно черпает энергию своего вызова в важной философской проблеме⁴. По воспоминаниям Поппера Витгенштейн тут вскочил с громким и, похоже, сердитым возгласом, что исходная формулировка темы принадлежит ему. Когда Поппер пытался продолжать о том, что не будь в философии серьезных проблем, сам он не стал бы философом, ибо только эти проблемы оправдывают философскую жизнь, Витгенштейн снова вскочил и стал распространяться о пазлах. Попперу удалось, улучив момент, вручить ему свой список философских проблем. Витгенштейн их отвергал одну за другой, судя рискованно, себе во вред. Познаем ли мы вещи чувствами? Логика, не философия. Пользуемся ли индукцией в приобретении знания? Логика, не философия. Существует ли потенциальная и актуальная бесконечность? Математика. Существуют ли значимые нравственные нормы?

В этот момент Витгенштейн, сидевший возле камина и нервно поигрывавший кочергой, которую он иногда использовал как дирижерскую палочку чтобы придать весомость своим утверждениям, бросил мне вызов: “Приведите пример нравственной нормы!” Я ответил: “Не угрожать приглашенным лекторам кочергой”. Тут Витгенштейн в ярости бросил кочергу и выбежал из помещения, хлопнув дверью за собой»⁵⁶.

-
- Впрочем, отношение к Витгенштейну, показывает Бибихин, всегда было непростым, иногда на грани разоблачения как врага культуры.
-
- «После его второго и окончательного приезда в Англию в **1929** появились почти сразу разоблачительные стихи Джулиан Белл, вскоре опубликованные в лондонской антологии военной и послевоенной сатиры:

“Болтает чушь, нагромождает фразы, обет молчанья свой не выполнив ни разу. У него этика, у него эстетика, он ведет речи о дне и ночи, одно называет хорошим, другое дурным, правильным или неправильным. Вселенная плывет себе своим размеченным путем, он протаскивает знание из какого-то секретного источника: по сути мистик, закоренелый и откровенный, старинный враг вернулся снова; тот, кто на своем прямом опыте якобы знает вещи за пределами всякого знания и всякого смысла... В диких завихрениях его ума роятся тайны, сокрытые от трезвого мира; добро и зло, восторг и грех он не ищет вовне себя, но находит внутри себя... Он возводит в добродетель собственные пороки и отвергает то, что не может понять”»⁵⁷.

54 Carl Popper, **Unended Quest. An Intellectual Autobiography**. Glasgow: Collins 1976, p. 141

55 Бибихин В. Цит. соч. С. 464.

56 Carl Popper, **Unended Quest. An Intellectual Autobiography**. p. 123.

57 Gherard Vines (ed.) Whips and Scorpions: Specimens of Modern Satiric Verse, 1914-1931. L.: Wishart 1932, p. 21-30, цит. no: Essays on Wittgenstein's Tractatus. Ed. by Irving M. Copi and Robert W. Beard. L.: Routledge & Kegan Paul, 1966, p. 67-73.

Со своей стороны, отмечу следующее. Обычное предложение, как бы его ни трактовать, не является схемой. А вот предложение, построенное на основе формул и правил символической логики, действительно, схема, позволяющая обсуждать построенную структуру на истинность и ложность и решать другие логические задачи⁵⁸. Сложной схемой является и таблица истинности. Аксиоматическое построение в логике, возможно, тоже является схемой, но, чтобы убедиться в этом или, наоборот, отвергнуть это предположение, необходимо специальное исследование.

Для Бибикина все построения Витгенштейна выглядят как верные, почти гениальные. Я так не думаю. Ну да, Витгенштейн создал язык (схем и нарративов), в котором можно было описать и осмыслить работу и видение символических логиков. И многие логики, работающие в этом русле, берут этот язык на вооружение. Но ведь одновременно они берут на вооружение и все основные мифы символической логики. А именно, что традиционная логика «безнадёжна устарела», что символическая логика не нуждается в традиционной, что дискурс символической логики автономен, что можно разворачивать дискурс, не опираясь на обычные рассуждения и законы традиционной логики, что мышление не выходит за пределы логики, совпадает с ней, что логика – это только символическая логика, что современный кризис логики связан с недостаточной её обоснованностью (а когда пытаются это обосновать строго провести, то получают просто еще одну логику, не лучше остальных). В этом плане Витгенштейн, с одной стороны, действительно, обеспечил условия для становления символической логики, а с другой – твердой рукой направил её к будущему кризису. Вот, например, вывод размышления А. Карпенко: «В связи с этим возникает *фундаментальный* вопрос о существовании конструкции под названием ЛОГИКА. Написание всего этого раздела, да и всей статьи, свидетельствует, что такой конструкции нет, и не может быть». Можно указать и на другие проблемы.

Да, с одной стороны, Витгенштейн отличает реальность (онтологию) символической логики от реальности обычного мира, но с другой – подобно Платону, утверждавшему, что вещи существуют по приобщению к идеям, считает, что в обычных предложениях и рассуждениях *скрыты* собственно логические отношения. Отсюда его представления о «внутренних отношениях».

4.122. «Мы можем говорить в некотором смысле о формальных свойствах объектов и атомарных фактов или о свойствах структуры фактов, и в этом же смысле – о формальных отношениях и отношениях структур. (Вместо “свойство структуры” я также говорю “внутреннее свойство”; вместо “отношения структур” – “внутреннее отношение”. Я привожу эти выражения, „чтобы показать причину очень распространенного у философов смешения внутренних отношений и собственно (внешних) отношений.) Существование подобных внутренних свойств и отношений не может, однако, утверждаться предложениями, но оно проявляется в предложениях, которые изображают факты и говорят о рассматриваемых объектах.

4.1221. Внутреннее свойство факта мы можем также назвать чертой этого факта. (В том смысле, в каком мы, например, говорим о чертах лица.)

Бибикин В. Цит. соч. С. 213.

58 Ср. «Хотя внутри логики исчислений, – пишет Бибикин, – всё условно, уславливаясь, она опиралась на безусловную базу. Фраза обеспечена необязательностью каждый раз объяснять, что она такое; она не нуждается в представлении и умеет сама позаботиться о себе. Формальные логики понимают это в смысле разрешения строить на этом свойстве фразы свои конструкции, к чему немедленно и приступают. Витгенштейн в своей философской логике весь захвачен тем чудом, что фразовую форму не надо ничем подпирать. Она стоит сама на себе и в этом смысле совпадает с бытием, которое тоже не нуждается ни в чем другом чтобы быть. Когда фундаментальное дано, всё остальное будет катиться как по рельсам. Здесь развернется простор для формальной логики». (Бибикин В. Цит. соч. С. 215).

4.123. Свойство является внутренним, если немыслимо, что его объект им не обладает. (Этот голубой цвет и тот стоят eo ipso (тем самым) во внутреннем отношении более светлого и более темного. Немыслимо, чтобы эти два объекта не стояли в этом отношении друг к другу.). (Здесь неопределенному употреблению слов "свойство" и "отношение" соответствует неопределенное употребление слова "объект".)

4.124. Существование внутреннего свойства возможного положения вещей не выражается предложением, но оно выражает себя в предложении, изображающем это положение вещей, посредством внутреннего свойства данного предложения. Приписывать предложению формальное свойство так же бессмысленно, как и отрицать у него это формальное свойство.

4.125. Существование внутреннего отношения между возможными положениями вещей выражается в языке внутренним отношением между предложениями, которые их изображают.

4.1251. Здесь окончательно разрешается спорный вопрос – «являются ли все отношения внутренними или внешними».

На самом же деле, на мой взгляд, здесь неадекватное объяснение: в обычных предложениях и рассуждениях нет никаких внутренних отношений и структур, но, поскольку в символической логике эти предложения и рассуждения заменяются специально построенными конструкциями (формулами, таблицами истинности), то кажется, что последние скрыты в этих обычных предложениях и рассуждениях. Другое заблуждение касается *употребления* знаков. Они тоже отнесены Витгенштейном к внутреннему плану. Спрашивается, почему? А потому, что употребление знаков невозможно промоделировать в языке символической логике. Интересно, что Бибахин идет здесь за автором ЛФТ, доказывая, что так и должно быть. Аргументирует он необходимость внутренних отношений, правда, исходя их феноменологического дискурса, отношение к которому Витгенштейн ясно не высказывал.

«Отношение, – пишет Бибахин, – устанавливаемое каждый раз заново и каждый раз по-своему применением знака, невидимо. Оно остается логическим, т. е. имеет уже известную нам опору, а именно в тождестве, которое ушло теперь из внешнего знака во внутренний. Тождество переносится на невидимое в знаке, на «внутреннее отношение». Это последнее оказывается однако в более фундаментальном отношении тождеством, потому что внутреннему, ничем не фиксированному, уже не на что больше опереться. Тождество встроено во внутреннее отношение как его база.

В. надеялся добраться до тождества в означаемом через логическое в знаке и заметил, вглядываясь, что знак всегда подан по-разному способом его применения. Оказалось, что логически тем же, что означаемое, должны быть оба вместе, знак и способ его применения. Задача затрудняется не умножением моментов, за которыми надо следить (следили за одним знаком, теперь их оказалось два, внешний и внутренний), а интересным образом: требуя новых упражнений в невидимом и отчета о том, что принципиально не показывает себя. Ситуация красивая: чем глубже исследование, тем больше оно имеет дело с целым<...>

Освоимся в ситуации, в которой мы оказались. Логическая форма переместилась во «внутреннее отношение». Оно, не забудем, не поддается описанию, потому что знаки, используемые для описания, потребуют опять же способа их применения. Внутренним отношением, или логической формой, определяется предмет (Gegenstand), который можно понимать как цель речи. Поэтому «предмет описания не находится в описании». Мир, предмет всеобщих фраз, входит в них через логическую форму, и он же всегда остается вне этих фраз, скрываясь в том, на какой предмет они делаются. Об этом сказано:

*“Предмет, с которым имеют дело всеобщие фразы, есть собственно сам мир, вступающий в них через логическое описание. – И поэтому мир собственно никогда в них не выступает, так же как и предмет описания не выступает в описании”*⁵⁹⁶⁰.

59 L. Wittgenstein, Werkausgabe, 8 Bd. Frankfurt a. M.: Suhrkamp Taschenbuch Wissenschaft 1984. v. 1. p. 109-110.

60 Бибахин В. Цит. соч. С. 62, 63.

По сути, к внутреннему плану у Витгенштейна отнесена и философия. Философский дискурс, если он только не основан на логике Витгенштейна, это как раз то, о чем нужно молчать. Но поскольку потенциально он может быть прояснен в символической логике а-ля ЛФТ, философские построения нужно отнести к внутреннему плану.

Такова наша реконструкция ЛФТ. При этом я старался придерживаться гипотезы о том, что ЛФТ – это, прежде всего, совокупность согласованных схем дополненных методологическими соображениями.